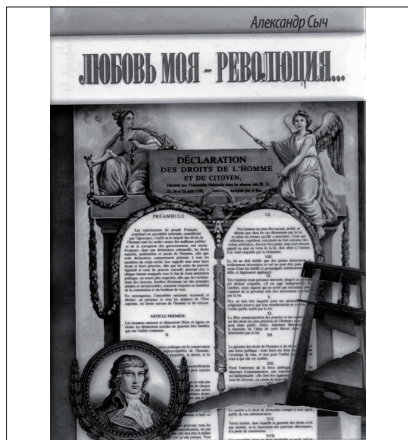

РЕЦЕНЗІЇ

УДК 94(44)«17»
ББК 63.3(4ФРА)511-8

Ольга Червинская

Колоритная живопись кровавых парадоксов исторической палитры

Рец. на кн.: Сыч А.И. **Любовь моя – Революция...** (Документально-художественная повесть о французском революционере Сен-Жюсте) – Черновцы: Наши книги, 2009. – 440 с.)

Перед нами книга, казалось бы, для сегодняшних дней довольно архаичного жанра – документально-художественная повесть о Луи Антуане Сен-Жюсте, ближайшем соратнике Максимилиена Робеспьера. Она посвящена тем страницам французской истории, которые решительно изменили весь европейский уклад XIX века и стали, безусловно, ярчайшими из ярчайших во всей мировой истории. За каждым поворотом исторического сюжета чувствуется (а порой и цитируется) документ, ощущается личное присутствие автора, пропустившего через себя весь трагический драматизм реальной коллизии. Рецензировать книги подобного уровня, когда автором является профессиональный ученый-историк, который овладел полнотой фактического материала и дополнил картину именно своим художественным видением, – для читателя-филолога необыкновенно трудная задача. И, тем не менее, сегодня, при обилии книжных изданий, которые в большинстве случаев предлагают нам поспешные, лишённые какой-либо подлинной историче-

© Червинская О., 2010

ской основы спекулятивные и полуграмотные интерпретации прошлого, нельзя оставить без внимания подобный труд.

Если говорить о жанровой традиции, к которой примыкает произведение А. Сыча, то тут, несомненно, просматривается влияние исторической прозы Юлиана Семенова, Валентина Пикуля и Эдварда Радзинского. И, конечно же, перед нами не документально-художественная повесть, как скромно определил жанр сам автор, а настоящий, добротный, с богато разветвленной системой персонажей исторический роман, но уже не в духе основоположника этого жанра Вальтера Скотта, а в творческих параметрах художественного опыта конца II-го тысячелетия. Книга о молодом революционере, ожидающем смертной казни, создавалась поначалу в те годы, когда произведения упомянутых авторов были на слуху (1986-1988). Однако дата ее завершения (1995) подсказывает, что она, возможно, была всерьез переписана, поскольку и ее автору, и его читателям довелось обогатить свой личный опыт собственными историческими переживаниями, стать свидетелями краха незыблемой, казалось бы, державы, увидеть «свою революцию», свои исторические типы. Наконец, между завершением работы над романом о Сен-Жюсте и его публикацией прошло еще 14 лет, прежде чем сегодняшний читатель получил возможность созерцать увлекательные и поучительные страницы истории. Все это коренным образом изменяет и авторскую, и рецептивную предустановку по отношению к тексту.

Александр Сыч реставрирует жизнь своего персонажа в максимально возможной ее полноте: в пору формирования характера, в дружеских привязанностях, даже в любовных переживаниях, наконец, в том водвороте исторических реалий, который неумолимо затягивает Сен-Жюста в самый эпицентр революционного котла. Франция ведет борьбу за Республику на внутренних и внешних фронтах. Чуть ли не на каждой странице звучат приговоры трибунала, кого-то расстреливают или гильотинируют, рекой течет кровь. Душа героя пламенеет огнем революционной логики, к его голосу прислушивается Франция, он вершит судьбами людей в проекции идеи так называемого «народного блага», а заканчивает свою жизнь как лютый тиран и враг этого самого народа. Во всем стихия парадокса. И тут следует обратить внимание на инте-

ресную стилистическую особенность, удачно транспонирующую идею водоворота и воспроизведенную автором книги: мастерски выполненный композиционный прием текста – кольцо – здесь полностью функционально оправдывает себя. Книга открывается главой «Начало», но ее первая фраза звучит как оксюморонное противоречие к этому названию: «Все было кончено». Завершается же повествование знаменательной фразой, продлевающей этот «конец»: «...и он спокойно поднялся на эшафот, шагнул к гильотине – и *в вечность...*». Замкнутая в своей цельности, жизнь Антуана предстает в последовательности тех психологических перипетий, которые всегда альтернативны и из которых пламенный революционер выходит ценой чужой и, наконец, своей крови, но всегда при этом с гордо поднятой головой.

Это роман о воистину пламенной любви, все сметающей на своем пути, щедро омытой (как в тексте: «кровавая баня») и оплаченной большой кровью. На весах судьбы любовь к Отечеству, к идее о справедливости и любовь к женщине оказываются несоизмеримыми. Помолвка сорвалась. Анриетта, сестра его друга и соратника Филиппа Леба, впрочем, как и любая другая бы на ее месте, в принципе не могла выдержать соперничества с пламенной идеей героя пожертвовать собой и спасти этой жертвой народ Франции. Правда, сам герой не принимает определения своего жизненного подвига как *жертвы*. Уже фактически на закате своей личной истории, в напряженной идеологической беседе-схватке со своим бывшим однокурсником по Реймскому университету Пьером Дешамом он подчеркивает: «*Нет, Пьер, патриот не приносит жертв, работая на благо родины. Робеспьер сказал: «Для Отечества сделано недостаточно, если не сделано все». Лучше не скажешь...»* (с.351).

Фрагмент романа, связанный с любовной сюжетной линией, как и весь остальной текст, представляет собой нарратив героя. Его стоит воспроизвести, ибо он рисует нравственные критерии Сен-Жюста, и, помимо того, отсюда также рождается название всей книги.

«Их роман с Анриеттой оказался недолгим и оборвался как то сразу. Они даже ни разу не поцеловались! Почему же так случилось? Кто виноват? Наверное, он, его нетерпимость к чужим недостаткам <...>. Поначалу он старался не замечать некото-

рых черт ее характера, которые его настораживали, например, легкомыслия, жажду развлечений, склонности пофлиртовать с многочисленными поклонниками, которые буквально увивались за нею и ухаживания которых она воспринимала с видимым удовольствием, несмотря на начавшееся сближение с Антуаном. Сам он уже несколько лет не смотрел на женицин, а после знакомства с нею – тем более <...>. И вот наступил тот день, когда он случайно застал ее нюхающей табак. Эту привычку он не мог терпеть у мужчин, а уж у женицин... Это было невероятно! Его представлениям о женственности был нанесен жестокий удар <...>. Это было разочарование не только в Анриетте, а в нечто большем, а именно: во всем том чистом, светлом, прекрасном, истинно женском, что у него ассоциировалось с Женщиной».

Брат Анриетты, Леба, тем не менее, очень верно понимает своего друга:

«– Боюсь, что ты никогда не подберешь себе подругу. <...> Я неточно выразился. Ты ее уже нашел и страстно любишь. Ее имя – Революция. Ни на чем другом ты не можешь надолго сосредоточиться».

Сен-Жюст пристально взглянул на него и серьезно ответил:

– Ты прав. Любовь моя – Революция... Только... Только это больше, чем любовь. Это сама жизнь, вся моя жизнь».
(см. с.323-325).

Эта страница биографии героя, повествуемая с едва ли не трагическим пафосом, у меня, как читательницы романа, вызвала свою реакцию: герой совершенно не осознает человеческого предназначения женщины. Он просто-напросто не вкусил плоти ее естества, утопически ожидая от нее воплощения некоего идеального первообраза. Парадокс заключается в том, что первообразом женского начала как раз и является жизнь сама по себе, жизнь как таковая (смысл библейского имени «Ева»), и получается, что тем самым он уготовил и самого себя на жизнь лишь в условиях идеального, а отнюдь не жизненного пространства. И это закономерно как с антропософской, так и с художественной точки зрения.

Поэтому тут следует особо сказать и об идеальной ипостаси женского начала в образе матери Антуана – она воплощает в себе именно тот прообраз Женственности, которого наш персонаж не сумел увидеть в Анриетте Леба. Образ мамы (именно так: мамы,

а не матери!) прописан с большим драматизмом, любовью и пониманием. Моментом откровения не только для читателя, но и для самого героя является сцена последней встречи с нею в родном Блеранкуре, по пути на северный фронт. Материнские рыдания становятся выражением тяжкого предчувствия, пробуждают в изможденном Сен-Жюсте понимание того, кто же воистину является главным существом в его жизни: *«С пронзительной ясностью он вдруг понял, что роднее мамы у него нет никого на свете, и что, в сущности, он страшно одинок, хотя в водовороте событий, суете будней как-то не замечал этого. А может, одиночество – это участь всех, кто безраздельно предан одной идее? Конечно, Робеспьер и Леба – верные друзья, а точнее все же – соратники по политической борьбе, Тюлье и Гато – добрые товарищи, приятели с детства. А вот действительно настоящим другом, с кем можно поделиться самым сокровенным, для него все-таки оставалась мама. Кто еще мог так понимать его?»* (с.354). Эта альтернативность восприятия самой по себе идеи женственности в романе наглядно и в очередной раз отражает и все прочие антиномии текста, особенно трагическую и закономерную несогласованность принципов и реальности как таковой, идеала и его воплощения и т.д..

Об утопичности его идей буквально кричит ему в лицо тот же Дешам, образ классического, трезвого политика, умудрившегося пережить все исторические ужасы, при Наполеоне стать сенатором, а в 30-х годах, уже под конец жизни, увлечься биржевой игрой (см. с.353). Дешам, как оппонент Сен-Жюста и, в его лице, Неподкупного (Робеспьера) говорит справедливые вещи: *«Ты, наверно, заметил странную, я бы сказал, зловещую закономерность нашей дряхлеющей слишком долго революции – она, поистине как Сатурн, пожирает собственных детей. Где люди, делавшие революцию в 1789 году? Где политики, блиставшие в Учредительном и Законодательном собраниях? Где герои августа 1792 года? Почти все встретились с «национальной бритвой», то бишь гильотиной. Кого следующего она побреет? Пойма, Антуан, ваша основная ошибка в том, что вы хотите сделать одинаково счастливыми, обеспеченными, довольными всех. Так не бывает, это алогично, противно природе, смешно, наконец...»* (с.348).

Надо подчеркнуть особое умение автора хорошо прописать психологические образы политиков разных типов. Все они, конечно же, являются подлинно историческими лицами. Персонажи революционной истории появляются в романе как экзистенциальный, по сути, контекст, высвечивая собой подлинный масштаб Сен-Жюста как личности, состояние духа этого человека в тот или иной острый момент его биографии. Вот страницы суда над «снисходительными». Автор убедительно воссоздает этот процесс, роль красноречия Сен-Жюста, который «смог заразить своей убежденностью присутствовавших в зале. Противники же словно онемели от ужаса, предчувствуя неизбежный и скорый конец». Недавние герои и лидеры Революции – Демулен, Филиппо, Делакура, Дантон никак не могут поверить в непоправимость происходящего. Но вот Антуан обращается к Дантону, и нам становится ясно, что участь «снисходительных» решена: *«Ты был врагом Марата, ты отделился от Горы, ты открыто хвастался тем, что никогда не обличал Жансоннэ, Гаде, Бриссо, ты беспрестанно протягивал им миртовую ветвь – свидетельство твоего союза с ними против народа и строгих республиканцев. От этих гневных «ты», справедливых и, наверно, не всегда справедливых, но подобных ударам бича, лицо Дантона то бледнело, то багровело, ноздри раздувались от бессильной ярости, но он уже не порывался перебить оратора, а только судорожно сглатывал слюну и вытирал обильно струившийся пот»* (с.291). Подобных ярких диалогов и монологов в романе множество.

Герой в полном смысле «творит себя» как некую идеальную, без страха и упрека личность, в чем-то порой контрастирующую и самому Неподкупному. *«Сен-Жюст взглянул на Робеспьера, и сердце его сжалось от острой жалости к Неподкупному: перед ним был бесконечно усталый от ежедневной борьбы с самим собой человек»* (с.213). Даже внешне он всегда стремится выглядеть безукоризненно, не обходится без зеркала, что не раз подчеркивается в романе. Апологет справедливости, атеист и «апостол свободы», он неумолим, принципиален и очень горд. Это страшные страницы книги. Его ненависть ко всякому, кто не разделяет его убеждений, не может нас сегодня не шокировать. Достаточно услышать его хладнокровный

комментарий, например, по поводу кровавых событий в Вандее, размышления о «цене крови» в исторических событиях, оправдание принципа «око за око» в его вопросе Робеспьеру: «Разве мы не имеем права обращаться с прислужниками тирании так же, как они обращаются с апостолами свободы?» (с.212) – все это по-настоящему возмущает рецептивное воображение. На мой взгляд, именно гордыня является движущей силой всей его биографии, она не позволяет ему ни на шаг в сторону отступить от той идеальной «нормы» безупречного героя-революционера, которой он пытается следовать, он страшится допустить хоть малейшее «пятнышко» на своей гражданской репутации. Не удивительно, что идеальным состоянием и движущей силой его души является борьба. Вот почему он так много на себя берет: депутат и комиссар Конвента, член Комитета общественного спасения, возглавивший особое Бюро общей полиции, призванное вести надзор над всеми органами власти. Более того, вызывая гнев Карно, он не боится брать на себя даже политическое руководство армией, когда Франция находится в состоянии войны с пруссаками и австрийцами, или терпит поражение от англичан и т.д.

Конечно, нет более бессмысленного занятия, чем браться пересказать любую книгу, а, тем более, интересную, каковой оказался роман о революционере Сен-Жюсте профессионального историка Александра Сыча. И, само собой разумеется, цели пересказа я не ставила перед собой. Мне захотелось взглянуть на нее глазами филолога, издавна уважающего данный исторический жанр. Хочу в завершение особо отметить мастерское описание духовного финала всех размышлений о жизни главного героя – когда в улюлюкающей толпе он уловил единственный взгляд сострадания. Эта интересная творческая находка, достойно завершая все повествование, в целом оставляет текст открытым и для наших собственных размышлений.

О.В. Червинская

Надійшла до редколегії 15.11.2010 р.